

М. Б. Красильникова

Рубцовский индустриальный институт (филиал) Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Алтайский государственный технический университет имени И.И. Ползунова», г. Рубцовск, Россия

ПРОГРАММА СОЦИОКУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДОВАНИЯ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. Рассмотрены возможности высшего образования (в частности, гуманитарного его блока) по формированию и реализации программы социокультурного наследования. В качестве механизма сохранения и передачи социального и культурного опыта рассмотрена историческая память. Наследование понимается как освоение социальных практик, социокультурного кода и духовного опыта прежних поколений. Дан анализ причин деформации исторической памяти в современных условиях

Ключевые слова: историческая память, образование, социокультурный опыт, социокультурное наследование.

M. B. Krasilnikova

Rubtsovsk Industrial Institute (branch) of Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Polzunov Altai State Technical University

PROGRAM OF SOCIO-CULTURAL INHERITANCE IN THE EDUCATIONAL SYSTEM

Annotation. The article examines the possibilities of the higher education system (in particular, its humanities block) for the formation and implementation of a program of sociocultural inheritance. Historical memory is considered as a mechanism for preserving and transmitting social and cultural experience. Inheritance is understood as the acquisition of social practices, the sociocultural code, and the spiritual experience of previous generations. The article analyzes the causes of the deformation of historical memory in modern conditions.

Key words: historical memory, education, sociocultural experience, and sociocultural inheritance.

Образовательную программу невозможно представить без сверхзадачи. Такой задачей, в первую очередь, является формирование мировоззрения молодого поколения, что требует четко обозначенной ценностно-смысловой парадигмы, внятно артикулированной. Официально эта парадигма представлена в ряде основополагающих документов [17; 18], внесена в учебные курсы (например, курсы «Основы российской государственности», «История России» и другие). Казалось бы, общественные ценности обозначены, цели определены. Вместе с тем остаются вопросы по поводу того, станет ли официальная, базирующаяся на государственной политике версия ценностной шкалы фактом индивидуального сознания обучающихся. Войдет ли молодое поколение в социокультурную матрицу поколения предыдущего? Речь идет не о конфликте отцов и детей – это проблема преемственности, памяти, сохранения культурных основ и цивилизационной идентичности.

Фундаментом формирования мировоззрения и ценностной системы молодежи выступает механизм социокультурного наследования через межпоколенную преемственность и при условии внятной государственной политики, в том числе и в сфере образования. Для молодого поколения, включенного в современный многовариативный, меняющийся мир, необходимы ориентиры, позволяющие осознать свою принадлежность к культуре и истории России, соединить индивидуальное «я» с социокультурным «мы». Эти задачи решаются в области образования в целом и на уровне академического дискурса – в системе высшего образования.

Современность характеризуется высокой событийной плотностью, многовариативностью информационных потоков, что затрудняет формирование целостного взгляда на действительность. Событийно-смысловому дрейфу, приводящему к рассеиванию социокультурных смыслов, противостоят преемственность и наследование. Программа наследования осложняется в современной российской действительности тем, что активно проявляет себя социокультурная интервенция, устанавливающая свое интерпретативное

«поле» смыслов. Нерефлексивное заимствование элементов чужеродной культуры и социальных моделей поведения, основанных на привнесенных ценностях, влечет за собой «путаницу» смыслов, ценностей, оценок. Программа социокультурного наследования противостоит такой фрагментации действительности.

Процесс наследования реализуется через освоение традиций, ценностей, паттернов поведения, культурных кодов, представленных в истории общества, и предполагает обращение к прошлому как наследию (наследству). Предметное содержание наследия составляют ценности культуры, духовный опыт предыдущих поколений, результаты деятельности людей и т. д. Межпоколенная преемственность возникает тогда, когда «наследующие» признают ценности предыдущего поколения своими и значимыми. Одним из главных механизмов сохранения и передачи социокультурного опыта новому поколению является историческая память, формирующая ценностные коннотации исторических событий. Без внятных ориентиров исторической памяти, задающей ценностную разметку бытия общества и человека, реализация социокультурного наследования в полной мере невозможна.

В основе социокультурного опыта любого народа лежат представления о собственной истории, память о «вершинных» событиях, определивших историческую судьбу страны, нации. Это коллективное эмоциональное переживание, коллективная память. О социальной обусловленности исторической памяти (теория «коллективной памяти») одним из первых заговорил М. Хальбвакс [15; 16]. Согласно его концепции, существует память социальных групп, которые воспроизводят и задают образцы толкования исторических событий. По мысли Хальбвакса, одновременно могут существовать несколько вариантов памяти о прошлом. Поскольку Хальбвакс исходит из того, что носителем коллективной памяти является группа, ограниченная в пространстве и времени, то и коллективная память в его концепции конечна – определена пространством и временем социальных групп [15]. События уходят на «обочину» памяти, потому что о них некому помнить или потому, что о них вспоминают иначе. Здесь, на наш взгляд, обозначена проблема преемственности – разрывности исторической (коллективной) памяти, ее вариативности.

Содержание коллективной памяти определяется социальными и культурными рамками. Культурологический аспект коллективной памяти был обстоятельно рассмотрен в работах Я. Ассмана. В своих научных построениях он следует за учением Хальбвакса. Под термином «культурная память», ключевым для концепции автора, понимается процедура передачи из поколения в поколение базовых смысловых структур, образующих особую специфику культурного пространства той или иной цивилизации [2].

Как отмечают исследователи, в отечественной науке тема исторической памяти появилась «с запозданием», и оценка этого феномена неоднозначна [6, с. 13, с. 19]. В ряде работ можно увидеть заданное Хальбваксом противопоставление «официальной» исторической памяти и памяти социальной. Существует точка зрения, с позиции которой историческая память понимается как поле деятельности историков и государства. Историческая память при таком подходе рассматривается как инструмент власти, поэтому она может предстать политически ангажированной и использоваться для защиты «правильных» смыслов, что является источником её конфликтов с памятью социальной, коллективной. О таком противостоянии пишет Л. Ю. Логунова. Конвенциональность и устойчивость социальной памяти исследователь противопоставляет пластичности, ситуативности памяти исторической. В ситуации кризисов историческая память («официальная», целенаправленно формируемая, «искусственная») начинает конфликтовать с памятью социальной (естественной, «нерукотворной»), конфликты реализуются как столкновения смыслов [9, с. 228-229]. Автор подчеркивает стабилизирующую функцию социальной памяти в этом конфликте. Полагаем, что в кризисных периодах есть более устойчивая структура – культура, которая удерживает социальную энтропию, поскольку и социальная (коллективная) память в кризисные периоды оказывается в определенной мере дезорганизованной. Она может быть восстановлена только на основе социокультурного и духовного опыта, выработанного предыдущим поколением, на основе восстановления преемственности. Так в начале XXI века,

в ситуации «распада связи времен» и кризиса коллективной идентичности, обусловленного социальными катаклизмами, «точкой сборки» в нашем обществе стало движение «Бессмертного полка», соединившее поколения и восстановившее целостность коллективной памяти.

Для осмысления феномена исторической памяти оптимальным видится соединение социологического и культурологического подходов. Такая позиция изложена в исследовании Л. П. Репиной. Автор рассматривает историческую память как часть культуры любого общества, отмечая при этом, что каждая эпоха имеет свой способ организации, структурирования, интерпретации накопленного исторического опыта, а также образов прошлого, складывающихся в общественном сознании [13].

Историческая память представляет собой пространство смыслов и ценностей в жизни народа, она хранит традиции, передает культурные коды. Это символическая система, формирующая общегражданскую и культурную идентичность, «коллективную биографию» народа. Ядром исторической памяти являются ценности, точнее, оценки прошлого, некий эмоциональный «след», который переживается последующими поколениями. Такие ценности и смыслы наиндивидуальны – они формируются внутри сообщества, восприняты обществом, эпохой, укоренены в глубинных структурах культуры и выступают как её коды. Эмоциональное переживание важнейших для истории народа событий делает их личностно значимыми.

В работах ряда исследователей [2; 12] социально-историческая память рассматривается как некий общественный конструкт, обусловленный происходящими в обществе политическими и социальными процессами, его потребностями и запросами на данный момент времени. Важно понимать, что этот социальный конструкт может формироваться как на основе естественной передачи социокультурного опыта поколений, так и на основе сознательной, систематической и целенаправленной деятельности социальных институтов. В условиях глобализации субъектами деятельности по формированию исторической памяти могут выступать внешние ресурсы, имеющие собственную программу, входящую в противоречия с устоявшимися версиями интерпретации событий отечественной и мировой истории. Коллективная память зачастую является объектом идеологического и информационного воздействия, соперничества и противоборства в пространстве политики и культуры, а также может служить зеркальным отражением идеологического раскола в обществе [14]. Она может быть деформирована в результате целенаправленной деятельности, путем формирования определенных заданных концептов и смыслов, заданных нарративов.

Попытки «скорректировать» воспоминания и переписать историю стали обыденностью в эпоху глобализации. Размытость, неопределенность оценок исторических событий – достаточно опасное явление, разрушающее «коллективную биографию» и историческую память как систему смыслов. «Сбои» исторической памяти влекут за собой «сбой» социального и культурного наследования. Таким образом, историческая память народа нуждается не только в формировании и сохранении, но и в охране со стороны институтов культуры, государственных органов власти и, конечно, сферы образования.

Современность поистине представляет собой «борьбу за историю», а значит за будущее. Система образования является площадкой, на которой через сохранение и трансляцию исторической памяти формируются контуры будущего. Здесь может быть уместен принцип наставничества, предполагающий профессионально-педагогическое взаимодействие учителей, преподавателей вуза и студентов [1, с. 4-5]. Обращение к опыту, сформированному предыдущими поколениями, служит основой для программы наследования.

Реализация программы социокультурного наследования лежит в зоне ответственности образовательных институтов, которые создают «продукт» для будущего. Базой для формирования исторической памяти является школьное историческое образование, где включаются технологии формирования памяти локального, «семейного» уровня, апелляция к эмоциональному восприятию исторических событий. В системе высшего образования историческое знание представлено на уровне теоретического и рефлексивного осмысления.

От качества сформированности знаний в области истории, культуры, социальной сферы зависит возможность социокультурной преемственности. В задачи образования входит формирование осознания «наследующими» ценности наследства, способности воспринять и осмыслить его в должном объеме.

Исчерпывается ли формирование исторической памяти изучением истории как дисциплины? Думается, что существенное увеличение количества часов на изучение отечественной истории в вузах представляет собой лишь частичное решение проблемы. В стандарт современного высшего образования с 2023 года включена дисциплина «Основы российской государственности», которая также позволяет решать проблему передачи социокультурного опыта. В контексте этой дисциплины обозначены фундаментальные ценностные принципы российской цивилизации, представлены ключевые смыслы отечественной культуры. Курс даёт возможность рассмотреть этические и мировоззренческие доктрины, раскрывающие историю саморефлексии отечественной культуры. Логика курса позволяет соединять единичное и общее, историю личности и историю страны в рефлексивном осмыслении, что формирует чувство причастности к единому социокультурному пространству.

Вместе с тем программа социокультурного наследования формируется в общем смысловом поле, за что ответственен весь комплекс дисциплин гуманитарного цикла. Целостность и непрерывность исторической памяти и опыта призвано обеспечить гуманитарное знание в целом. Однако общей тенденцией современного периода стало сокращение гуманитарной составляющей образовательного процесса, что существенно снижает вузовский потенциал по формированию исторической памяти. Научным и преподавательским сообществом неоднократно отмечался тот факт, что доминирующие на сегодняшний день социальная, культурная, и соответствующая им образовательная практики ориентированы на воспроизводство вида *homofaber* – человека-«мастера», профессионала, тогда как образовательный процесс с необходимостью должен включать в себя трансляцию культурных норм, ценностей, идей, решать задачу формирования мировоззрения [5]. Суть образования заключается в передаче культурного кода. Без глубокого осмысления культурно-исторических процессов целостная картина мира не складывается, и программа социокультурного наследования может давать сбой.

Редукция гуманитарного цикла чревата размыванием социокультурной идентичности молодого поколения. Это вопрос выбора ценностей и оценки опыта предыдущих поколений. Ю. Лотман предупреждал о том, что в результате отказа от полноценного гуманитарного цикла в образовательном процессе общество с неизбежностью столкнется с разрывом исторической памяти и будет сетовать на утрату патриотизма [10, с. 183].

Гуманитарное знание, формирующее культурную и историческую память, не может быть маргинальным элементом образовательного процесса. Стоит отметить, что и сама история как наука трансдисциплинарна: она не может довольствоваться лишь эмпирическими методами и активно использует техники интерпретации гуманитарных наук [11]. Сказанное не означает снижение внимания к событийной канве исторического знания – обращение к фактам, событиям, их обсуждение, и, самое главное, оценка и есть задача образования. В этом плане предельно важна интерпретационная функция гуманитаристики.

Историческое знание есть существенный компонент формирования исторической памяти. Но есть не менее важный компонент – эмоциональный. Память базируется на личностном восприятии, эмоциональном переживании, на оценках тех или иных событий [7]. Поскольку историческая память наиндивидуальна, то она представляет собой общий эмоционально-оценочный отклик, в контексте которого реализуется социокультурное наследование. Гуманитарное знание в силу своей специфики имеет существенные возможности по формированию устойчивых эмоционально-оценочных структур, определяющих отношение к историческому, социокультурному наследию. В современной ситуации активно наступающего релятивизма комплекс гуманитарных наук способен взять на

себя «объяснительную функцию» в формировании мировоззрения и этических принципов молодого поколения [8, с. 18].

Для формирования программы социокультурного наследования в процессе обучения, осмысления духовного опыта предыдущих поколений важны источники и каналы информации. Сегодня историческое знание перестало быть прерогативой научного сообщества. Конкуренцию учебному процессу составляют Интернет, фильмы, создающие разнообразные версии истории, и т. д. Серьезной проблемой для государственной политики и системы образования является манипуляция исторической и культурной памятью, которая реализуется по правилам, диктуемым масс-медиа. Закономерно, что молодежь сегодня активно включена в информационное поле интернета, но вызывает сомнения качество получаемой информации и качество самих источников, так как их выбор осуществляется далеко не избирательно. В результате оказывается все сложнее сформировать некий целостный общий взгляд на историю, на оценку исторических событий. Зачастую молодое поколение дезориентировано как в «событийной» истории, так и в оценке её фактов. «Наши дети лишены живой памяти о прошлом, они питаются той историей, которую создают журналисты и ведущие телешоу», – справедливо отмечает Б. В. Марков [11]. Необходимо отметить очевидное – современная российская культура (кинематограф, театры, литература и т. д.) создает зачастую искусственную, сконструированную реальность, которая, в свою очередь, абсолютно в логике постмодернизма, оказывает существенное влияние на формирование исторической памяти: симулякры истории задают симулякр исторической памяти, базирующейся на событиях, которых никогда не было. В результате этого современность в значительной степени попадает в зависимость от «прошлого», которое может воображаться и переживаться на основе соответствующих нарративов. Задача высшего образования в ситуации таких вызовов современности – вернуть в общественное сознание факты и оценки реальных событий отечественной истории.

Нельзя не согласиться с суждением исследователей, считающих оправданной и приоритетной государственную политику, направленную на формирование единой общегражданской концепции отечественной истории [3]. Глубокое осмысление исторического наследия страны способно сформировать в общественном сознании её целостный образ, который является основой для преемственности связей между поколениями

Современное образование решает важнейшую гуманитарную задачу осмысления вариативности социокультурного бытия, что предполагает возможность и необходимость самостоятельного, осознанного выбора индивидом ценности исторического «наследства». Наследование осуществляется по схеме: познание – эмоциональное переживание («сопричастность») – действие (осуществленный выбор). При этом свобода выбора осуществляется как результат «причастности» индивида к ценностям, к тем установкам, которые закладывает историческая память. Речь идет именно о коллективной биографии, которая выходит за границы отдельной человеческой жизни и базируется на переживании сопричастности частного общему.

Поскольку система образования ответственна за формирование исторической памяти и трансляцию социокультурного опыта, видится значимым более активное использование «разъяснительного», интерпретационного потенциала гуманитарных дисциплин. Редукция гуманитарной составляющей образовательного процесса может быть преодолена только государственной стратегией. Без глубокого осмысления культурно-исторических процессов, без внятной оценки исторических событий программа социокультурного наследования может давать сбои.

Проблема сохранения и трансляции социокультурного опыта не решается только в контексте образовательного процесса исключительно педагогическими средствами. Она должна быть в поле внимания государственной политики в целом – как в сфере образования, так и в культурном контексте, который также формирует общие оценочные суждения об историческом прошлом страны.

Список источников:

1. Ан, С. А. Метафизика наставничества и практический опыт / С. А. Ан // *Философские, социологические и психолого-педагогические проблемы современного образования*. – 2023. – № 5. – С. 4-6.
2. Ассман, Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман / пер. с нем. М. М. Сокольской. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 368с.
3. Бельков, О. А. Историческая память: роль государства в её формировании / О. А. Бельков // *Власть*. – 2020. – Т. 28. – № 6. – С. 315–317.
4. Воденко, К. В. Историческая память как инструмент государственной политики в сфере высшего образования: национальный контекст и региональные аспекты / К. В. Воденко, С. С. Черных // *Bulletin Social Economic and Humanitarian Research*. – 2022. – № 13 (15). – С. 18–23.
5. Запесоцкий, А. С. Какого человека должна сформировать сегодня система образования? / А. С. Запесоцкий // *Высшее образование в России*. – 2003. – № 3. – С. 44-60.
6. Историческая память и историческая политика в образовательном пространстве : учебное пособие / И. В. Грибман, В. Н. Земцов, А. А. Постников, Н. Ф. Шесткова. – Екатеринбург : УрГПУ, 2023. – 185с.
7. Кандыбович, С. Л. Историческая память её сохранение и формирование в педагогическом процессе / С. Л. Кандыбович, Т. В. Разина // *Мировые цивилизации*. – 2022. – Т. 7. – № 4. – С. 19-27.
8. Красильникова, М. Б. Гуманитарные обретения и гуманитарные потери современного образования / М. Б. Красильникова // *Философские, социологические и психолого-педагогические проблемы современного образования*. – 2021. – № 3. – С. 17-20.
9. Логунова, Л. Ю. Историческая и социальная память: парадоксы и смыслы / Л. Ю. Логунова // *Идеи и идеалы*. – 2019. – Т. 11. – № 1-2. – С. 227-253.
10. Лотман, Ю. М. Воспитание души / Ю. М. Лотман. – Санкт-Петербург : Искусство – СПб, 2003. – 621с.
11. Марков, Б. В. Факты и ценности в исторической памяти / Б. В. Марков // *Дневник Алтайской школы политических исследований*. – 2019. – № 35. – С. 22-26.
12. Нора П. Проблематика мест памяти / П. Нора // *Франция – память*. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет, 1999. – С. 17-50.
13. Репина, Л. П. События и образы прошлого в исторической и культурной памяти / Л. П. Репина // *Новое прошлое*. – 2016. – №1. – С. 82-99.
14. Сорокина, Н. Д. Историческая память современных студентов. Что происходит? / Н. Д. Сорокина // *Высшее образование в России*. – 2020. – Т. 29. – № 10. – С. 144-152.
15. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс. – Москва : Новое издательство, 2007. – 346 с.
16. Хальбвакс, М. Коллективная и историческая память / М. Хальбвакс // *Неприкосновенный запас*. – 2005, – № 40-41(2-3). – С. 8-27.
17. Стратегия национальной безопасности России (утверждена Указом Президента РФ № 400 от 2 июля 2021 года) // Справочно-информационная система «Гарант-плюс» (сайт). – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401325792/> (дата обращения: 05. 04.2026).
18. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Справочно-информационная система «Гарант-плюс» (сайт). – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/> (дата обращения: 05. 04.2026).